

DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-93-118

УДК 821.161.1

Антибунинский памфлет И.Ф. Наживина*

© 2020, А.В. Бакунцев

Аннотация: Данная публикация продолжает тему «И.Ф. Наживин против И.А. Бунина», затронутую ранее в одном из номеров «Литературного факта». Иван Федорович Наживин (1874–1940) — известный в кругах русской эмиграции писатель и публицист, последователь Л.Н. Толстого. Наживин лично знал Бунина и в течение нескольких лет переписывался с ним. Публикация вводит в научный оборот наживинскую статью-памфлет «Уездный моншер» (1934), автограф которой хранится в личном фонде И.А. Бунина в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Предположительно именно этот текст Наживин намеревался обнародовать в эмигрантской прессе. Во вступительной статье дается краткая характеристика автографа, а также аргументируется выбор для публикации представленного в нем текста как обладающего наибольшей завершенностью. Обозначаются основные принципы, которыми публикатор руководствовался при подготовке материала к печати и при его комментировании.

Ключевые слова: И.Ф. Наживин, И.А. Бунин, Нобелевская премия, русская эмиграция, памфлет, «Жизнь Арсеньева», «Уездный моншер».

Информация об авторе: Антон Владимирович Бакунцев, кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: auctor@list.ru

Цитирование: *Бакунцев А.В.* Антибунинский памфлет И.Ф. Наживина // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 93–118. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-93-118

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-289).

Под словосочетанием, вынесенным нами в заголовок, мы разумеем статью И.Ф. Наживина «Уездный моншер» (1934). Впрочем, правильнее было бы охарактеризовать это произведение как *пасквиль*, ведь при его написании автор руководствовался вовсе не стремлением «сказать окончательную правду» об И.А. Бунине (в чем он уверял всех своих тогдашних корреспондентов, включая М.А. Алданова, С.Г. Сватикова, М.А. Осоргина), а, в сущности, лишь завистью и злобой. Текст «Уездного моншера» свидетельствует об этом чуть ли не каждой строкой.

История создания наживинской статьи уже была изложена нами ранее, и довольно подробно¹. Поэтому ограничимся краткой характеристикой автографа, текст которого лег в основу данной публикации.

Автограф представляет собой неавторизованную машинопись с правкой от руки и хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства в личном фонде Бунина (РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 362). Как в *бунинском фонде* оказался *наживинский автограф*, неизвестно. Скорее всего, он поступил в РГАЛИ в числе материалов, переданных Наживиным в СССР в середине 1930-х гг., а в бунинский фонд был перенесен при комплектовании последнего.

Из двух выявленных на сегодня автографов «Уездного моншера» мы выбрали для опубликования именно этот, исходя из того, что содержащийся в нем текст обладает гораздо большей степенью завершенности, чем первоначальный вариант наживинской статьи, которая, по замыслу автора, должна была стать частью «Материалов к истории новейшей русской литературы» (1933–1934), оставшихся по ряду причин неизданными².

Текст автографа печатается по нормам современной русской орфографии и пунктуации, но с сохранением особенностей авторского написания некоторых слов. В угловых скобках восстановлены сокращения и пропуски, имеющиеся в подлиннике. Авторская правка, внесенная публикатором в текст, специально не оговаривается. Авторские шрифтовые выделения, за исключением набора заглавными буквами, заменены курсивом. В автографе дата не обозначена, тем не менее, опираясь на содержание статьи и на переписку Наживина с М.А. Алдановым, мы полагаем, что работа над «Уездным мон-

¹ См.: *Бакунцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 263–273.

² Этот автограф, также являющийся собой неавторизованную черновую машинопись, ныне хранится, как ему и подобает, в личном фонде Наживина (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 19–43).

шером» продолжалась с конца ноября — начала декабря 1933 г. по середину октября 1934 г.³

При подготовке комментария мы исходили из допущения, что Наживин в своем памфлете цитирует бунинскую «Жизнь Арсеньева» не по журнальным публикациям в «Современных записках» (хотя такую вероятность полностью исключать нельзя), а по первому отдельному изданию романа (Париж, 1930). Соответственно и в наших примечаниях цитаты из «Жизни Арсеньева» даются по указанному изданию. Также в примечаниях отмечены все допущенные Наживинным неточности и намеренные искажения фактов.

Публикатор считает своим долгом поблагодарить за оказанную помощь сотрудников РГАЛИ, читального зала литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, Библиотеки Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, а также лично Р. Дэвиса (Русский архив в Лидсе (РАЛ), Великобритания) и С.Н. Морозова (ИМЛИ РАН).

И.Ф. Наживин **Уездный моншер**

I

Нобелевская премия выпала в этом году на долю Бунина. В эмиграции — она весьма малограмотна — это известие вызвало чрезвычайное недоумение: «какой такой Бунин?.. Что такое?!..» Я помню одно совещание в замке герцога Г. Лейхтенбергского⁴. Речь шла об основании нового русского издательства⁵. Герцог спросил меня,

³ Наживин писал Алданову 18 октября 1934 г.: «О Бунине послал целую статью Вам» (Цит. по: *Бакунцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...». С. 265).

⁴ Лейхтенбергский Георгий Николаевич (1872–1929) — полковник конной гвардии, герцог, мемуарист, издатель, меценат, один из лидеров монархистского движения в эмиграции. Его замок Зеенон в Верхней Баварии в 1920-х гг. был одним из центров антибольшевистского движения в Европе.

⁵ Речь идет о создании издательства «Детинец» (Вена; Берлин, 1921–1922), замысел которого возник у Наживина во время конгресса Высшего монархического совета, состоявшегося 29 мая — 5 июня 1921 г. в баварском курортном городке Бад-Рейхенгалле. Герцог Лейхтенбергский, с которым Наживин познакомился на конгрессе, заинтересовался затеей писателя и вскоре стал, по выражению Наживина, «главным пайщиком» издательства. Однако уже в мае 1922 г. герцог открыткой сообщил Наживину о прекращении сотрудничества. Причину разрыва с высоким покровителем сам Наживин в одном из писем к Бунину объяснял следующим образом: «“Детинца” своего я прикончил, ибо разругался с компаньонами, которые хотели меня приобщить к черной сотне, а я заупряился» (И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., коммент. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл.

кого я посоветывал⁶ бы привлечь к делу. Я назвал несколько имен и в числе них — Бунина.

— Позвольте: какой Бунин? — спросил герцог. — Я никогда такого имени не слыхал...

— Это известный в интеллигентских кругах писатель, — отвечал я. — Его рассказы из крестьянской жизни были очень колоритны. Он был в свое время настолько левым, что при известии об убийстве писателя⁷ он, по его словам, бегал у себя в деревне по террасе и визжал от радости⁸.

— А теперь? — нахмурился герцог.

— А теперь при одном имени «Вождя»⁹ встает и грозно сверкает глазами: «а кто может мне в этом препятствовать?»

Пред стокгольмской победой Бунина — он едва-едва прошел: его португальский и греческий конкуренты¹⁰ имели за собой сильные партии — книги Бунина втихомолочку продавались со скидкой в 95%. Если тем не менее выбор Шведской академии пал на него, то ведь она давно уже приучила мир решениям ее не удивляться: она выдала премии какой-то Грация Деледда¹¹, которую не знал и не

В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 305).

⁶ Так — здесь и далее — в подлиннике.

⁷ Очевидно, здесь описка: по смыслу должно быть — «Столыпина».

⁸ До революции Бунин действительно, по его собственному признанию в интервью газете «Голос Москвы» (24 октября 1912 г.), тяготел «больше всего к социал-демократии», хотя и сторонился «всякой партийности» (Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 541). Очень возможно, что писатель не питал симпатии к П.А. Столыпину как государственному деятелю. В интервью «Одесским новостям» (8 сентября 1911 г.) Бунин даже выразил надежду, что смерть Столыпина послужит «изменению курса <...> в сторону человечности» (Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М., 1973. С. 369). Тем не менее ни письма, ни дневники Бунина не содержат указаний на то, что весть о гибели Столыпина вызвала у него *радость*, притом такую бурную (или даже буйную). Похоже, что на Бунина это событие вообще не произвело особого впечатления. К тому же в день убийства Столыпина писатель находился не в «своей деревне», а в Одессе (см.: Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М., 2017. С. 117).

⁹ Имеется в виду великий князь Николай Николаевич-младший (1856–1929).

¹⁰ Имеются в виду португальский поэт Антониу Коррейя ди Оливейра (1879–1960) и греческий поэт Костис Паламас (1859–1943). В 1933 г. на Нобелевскую премию претендовали также финский писатель Франс Эмиль Силлланпя (1888–1964) и датский писатель Йоханнес Вильгельм Йенсен (1873–1950).

¹¹ Деледда Грация (1871–1936) — итальянская писательница. Получила Нобелевскую премию по литературе в 1926 г. «за поэтические сочинения, в которых с пластической ясностью описывается жизнь ее родного острова <Сардиния>, а также за глубину подхода к человеческим проблемам в целом» (<http://www.tunnel.ru/post-graciya-deleddapisatelnica-sardinii>; дата обращения: 31.03.2020).

знает никто, и какому-то безвестному ирландскому поэтику¹², но отказала в ней Генрику Ибсену и Льву Толстому¹³.

Казалось бы, надо, пожав плечами, просто отметить этот факт, и только, но в эмигрантской печати начался по этому поводу совершенно непристойный шабаш. Мы все хорошо понимаем, что кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку, но нельзя же хвалить так, до бесчувствия. Оказывалось почему-то, что это какая-то головокружительная победа «России», мировое событие совершенно исключительной важности. Известная Теффи¹⁴ истолковала это так, что вот теперь Бунин «самый лучший писатель в мире»¹⁵. Умный скептик Алданов объявил, что победа Бунина <-> это сокрушительный удар по большевикам, которые о таком своем поражении не смеют даже сообщить своим читателям¹⁶. Какой-то Троцкий из Стокгольма, захлебываясь от восторга, сообщал в «Последние новости», что теперь весь Стокгольм только и живет приездом Бунина, и очень дружески предупреждал лауреата о широком гостеприимстве шведов и всячески советовал ему там не обожраться¹⁷. Целые столбцы

¹² Имеется в виду ирландский поэт Уильям Батлер Йейтс (1865–1939), ставший нобелевским лауреатом в 1923 г.

¹³ Г. Ибсен выдвигался на Нобелевскую премию в 1902–1904 гг., Л.Н. Толстой — в 1902–1906 гг. (см.: http://www.ru.m.wikipedia.org/wiki/Список_лауреатов_Нобелевской_премии_по_литературе; дата обращения: 31.03.2020). О причинах игнорирования кандидатуры Толстого Шведской академией см.: *Марченко Т.В.* Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М., 2017. С. 37–52.

¹⁴ Так в подлиннике.

¹⁵ Имеется в виду заметка Тэффи «Сегодня», где, в частности, сказано: «И.А. Бунин, наш писатель, русский, эмигрантский, кровный по духу, признан лучшим в мире и увенчан. Хоть на эти краткие дни терновый его венец сменили венцом лавровым» (Возрождение. 1933. № 3099, 26 нояб. С. 2).

¹⁶ Имеется в виду заметка М.А. Алданова «Чествование И.А. Бунина», где, в частности, говорится: «Московская печать ни одной строчкой не отозвалась на присуждение И.А. Бунину Нобелевской премии! Мы догадывались, что выбор Шведской академии не доставит большевикам удовольствия. Но оказалось, что это для них истинное горе, неприятность настолько серьезная, что ее нужно возможно тщательнее скрыть от населения России» (Последние новости. 1933. № 4629, 24 нояб. С. 2).

¹⁷ Имеются в виду «письма из Стокгольма» журналиста И.М. Троцкого (1879–1969) «Как была присуждена Бунину Нобелевская премия» (Последние новости. 1933. № 4621, 16 нояб. С. 2) и «В ожидании лауреата» (Там же. № 4631, 26 нояб. С. 2). В этих корреспонденциях, в частности, говорится: «Приезда Бунина ждут здесь с понятным интересом. Ведь он первый русский писатель, получивший премию Нобеля. <...> Ивана Алексеевича ждет совсем исключительный прием в Швеции. В его лице Нобелевский комитет и шведская общественность собираются чествовать русскую литературу»; «Осведомившись о подготовительных работах чествований, могу уже сейчас сказать, что мне вчуже жалко И.А. Бунина. Ему следует основательно отдохнуть и набраться сил. Его ждут и “тяжкие испытания”. Венюк лауреата тяжел. Шведское гостеприимство перещеголяло даже прославленное старое русское хлебосольство. Нужно иметь железный желудок, чтобы одолеть обилие яств, приготавливаемое премированным гостям».

в газетах исписывались кукушками о том, как их новоявленный петух приехал в Париж уже в спальном вагоне, как остановился он в первоклассном «Маджестике»¹⁸, как его «окружала целая плеяда писателей», как его «личным» секретарем состоит Я. Цвибак (он же Андрей Седых)...¹⁹ Тут же попадались и маленькие обмолвки: одна французская газета поместила у себя краткое сообщение о нобелевской премии: оказывалось, что на этот раз ее получил известный русский писатель Купрсткин. Чрез несколько строк Купрсткин превратился, однако, в Курсткофф²⁰. «Последние новости» ответили ей строгим выговором: если уж пишешь о такой знаменитости, то дай себе по крайней мере труд узнать, как эту знаменитость зовут!²¹

Когда незадолго пред смертью Толстой приехал в Москву, население ее устроило ему прямо «царскую» встречу. Я указал старику на то, как это всё трогательно. «Да, да... — отвечал он с усмешкой, — но если бы на моем месте был какой генерал или танцовщица, было бы то же самое. Им что ни кричать бы, лишь бы кричать...» В Париже — по газетам — и танцовщица, и генерал ступевались перед — по Чехову — «пассажиrom первого класса». Рассмотрим, действительно ли триумфатору принадлежит это место в первом

¹⁸ Парижский отель «Мажестик» (Majestic), где Бунин жил перед отъездом в Стокгольм.

¹⁹ См., напр.: *Городецкая Н.* Встреча с Буниным // *Возрождение*. 1933. № 3089, 16 нояб. С. 1; *Седых А. И. А.* Бунин в Париже // *Последние новости*. 1933. № 4621, 16 нояб. С. 4; <Б.л.> Поездка И. А. Бунина в Стокгольм // Там же. № 4628, 23 нояб. С. 3.

²⁰ Т. В. Марченко, изучившая обширную бунинскую коллекцию вырезок из французской прессы, отмечает обилие самых разных фактических ошибок, допущенных французскими газетами в «нобелевские дни», и объясняет это обстоятельство так: «Корреспонденты большинства изданий воспринимали информацию на слух (из сообщений информационных агентств или по телефону), но сами с творчеством свежеепеченного нобелевского лауреата знакомы не были». Особенно курьезные примеры журналистской некомпетентности исследовательница обнаружила в материалах провинциальной периодики: «Лионские газеты пестрели ошибками чаще, чем центральные парижские: русское имя Иван приобретало отчасти кельтские черты — “Soan Voupine” <...>, галлицизировалась и фамилия его автобиографического героя Арсеньева — “La vie d’Arsenieu”» (*Марченко Т. В.* «Венок лауреата ему точно в пору»: Французская пресса о Нобелевской премии Бунина // *От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии: К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: Междунар. науч. конф. (Москва, 16–19 ноября 2009 г.) / Сост., науч. ред. Т. В. Марченко. М., 2011. С. 146).*

²¹ Такую заметку в «Последних новостях» обнаружить не удалось, и вообще сам по себе этот «факт» представляется недостоверным. Возможно, наживинский пассаж был «инспирирован» одним из обзоров иностранной прессы, в котором, среди прочего, говорилось, что «сведения несколько фантастического характера о новом лауреате дала газета “Рампар”» (<Б.л.> Нобелевская премия И. А. Бунина: Отзывы иностранной печати. — Планы лауреата // *Последние новости*. 1933. № 4616, 11 нояб. С. 1).

классе — рядом с господами из Сан-Франциско, биржевыми зайцами, свиными королями и другим отребьем рода человеческого.

II

В молодости я очень любил Бунина за его крестьянские рассказы. Я очень понимал его основной недостаток: он писал русскую деревню только дегтем. Это было тем более безобразно, что в той же Орловской губернии И.С. Тургенев умел найти и Хоря, и Калиныча, и Бирюка, и Лукерью-Живые-Мощи, и Ермолая. Но Бунин выступил в то время, когда в литературе свирепствовал златовратский угар²²: мужик был для нас каким-то преподобным угодником, вселенским мудрецом, а его пресловутый «мир» залогом какого-то «иногo, светлого будущего». Бунин был необходимой реакцией против этого истерического вранья. Мужику надо было не поклоняться, а учить его грамоте. Все, кто знали мужика, страшились пред надвигавшейся революцией: с таким экипажем корабль Революции²³ может налететь на великие беды. Бунин говорил о мужике жуткую правду и был этим очень полезен²⁴.

Читал я и стихи Бунина. Среди них были милые лирические вещицы, но решительно ничего сверхъестественного тут не было. Раз как-то в «Ясной Поляне» заговорили о стихах вообще, и Толстой обронил удивительное, толстовское замечание:

— Стихи для меня несомненно хороши только тогда, когда их хочется петь...

Пушкина поют чуть не всего. Его «Для берегов отчизны дальней ты покидала край чужой» нельзя читать вслух: голос сам сейчас же начинает искать мелодию. Его «Руслан» весь музыка. Музыка —

²² Наживин обыгрывает фамилию Николая Николаевича Златовратского (1845–1911) — писателя-народника, представителя так называемой «мужицкой беллетристики».

²³ В автографе 1-го тома «Материалов к истории новейшей русской литературы» вместо «Революции» — «российский» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 22).

²⁴ Согласно записи в дневнике В.Н. Муромцевой от 30 декабря 1918 г. / 12 января 1919 г., Наживин в день знакомства с Буниным сказал: «Вот <...>, Иван Алексеевич, как я раньше вас ненавидел, имени вашего слышать не мог, и всё за народ наш, а теперь низко кланяюсь вам. <...> И как я, крестьянин, не видел этого, а вы, барин, увидали. Только вы один были правы» (Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: В 2 т. / Под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. М., 2004. Т. 1. С. 171). А в 1927 г. Наживин писал Бунину о рассказах, вошедших в сборник «Последнее свидание» (Париж, 1927): «Бесподобные страницы! Но никогда, никогда, никогда не будет понятия “интеллигенцией”, т.е. Вашими читателями, их жуткая красота и их правда, от которой волосы встают дыбом: поймут их только те очень немногие, которые, как Вы, действительно видели наш народ, то ядро каторжника, которое приковано к нашей ноге. <...> Спасибо за хорошую книгу» (Цит. по: Бакунцев А.В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»... С. 259).

«Онегин». Из «Дубровского» уже сделана опера²⁵. Он весь музыка. Поют и Лермонтова. Поют серенького Апухтина. «Коробейников» Некрасова я часто слышу на улицах Брюсселя в исполнении бродячих музыкантов-иностранцев. Если что из бунинских стихов на музыку и положено, то всеобщего признания эти его стихи-песни не получили. Он рассказывает, как в молодости он отравился «Прологом» к «Руслану»²⁶ — его стихами не отравлялся никто. И вполне понятно.

Если не ошибаюсь, Гейне дал определение крупного поэта: «ревет ли зверь в лесу глухом, гремит ли гром, поет ли дева за холмом»²⁷ — на всё душа поэта отзывается, как эхо. Иначе он не может, ибо если он нем, то на что он нужен?

Над Россией грянула гроза мировой войны. Всё зашумело. Что же Бунин?

Бунин молчал!

За войной грянула действительно планетарная революция, которая до сих пор сотрясает весь мир. Где же то произведение Бунина, в котором он попытался бы раскрыть нам смысл грандиозных событий?

Бунин молчал!²⁸

Весь мир сотрясается теперь в страшных конвульсиях всяческих «кризисов». На Россию заходят тучи и с Востока, и с Запада. Что же Бунин?

Бунин отвечает жалкою «Митиной любовью». Это всё. И встало сомнение: да уж живой ли он?!

²⁵ Опера Э.Ф. Направника по либретто М.И. Чайковского. Премьера состоялась в 1895 г. на сцене Мариинского театра.

²⁶ Наживин здесь допускает двойную неточность: «прологом» к «Руслану и Людмиле» «отравился» не сам Бунин, а его Арсеньев, и не в молодости, а в детстве. Наживин имеет в виду начало XV главы 1-й книги «Жизни Арсеньева»: «Пушкин <...> поразил меня своим колдовским прологом к “Руслану”:

У лукоморья дуб зеленый,
Златая цепь на дубе том...

Казалось бы, какой пустяк — несколько хороших, пусть даже прекрасных, на редкость прекрасных стихов! А меж тем они отравили меня на весь век, вошли во всё мое существо, стали одной из высших радостей, пережитых мной на земле» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева: Истоки дней*. Париж, 1930. С. 53).

²⁷ Наживин ошибается: цитируемые (к тому же неточно) строки — из стихотворения А.С. Пушкина «Эхо» (1831).

²⁸ Очевидно, Наживин намеренно «забывает» о «Великом дурмане» (1919), «Окаянных днях» (1925, 1927), о рассказах «Конец» (1921), «Безумный художник» (1921), «Товарищ Дозорный» (1924), «Красный генерал» (1924), о стихотворениях 1922 г.: «Шепнуть заклятие при блеске...», «О, слез невыплаканных яд!...», «Душа навеки лишена...». Между тем перечисленные произведения и были бунинским откликом на события «великой русской революции» и Гражданской войны.

Где те живые образы, которые он создал? Где его Наташа Ростова, кн. Андрей, Пьер, Левин, чаровница Кити, дядюшка Чистое-дело-марш, Светлейший, читающий на поле битвы роман мадам де Жанлис, Мюрат в перьях, тупой комедиант Наполеон, Лаврушка, Каратаев, капитан Тушин?

Где его Лиза Калитина, Хорь, Калиныч, Чертопханов и Недопюскин?

Где Татьяна Ларина? Где Руслан, трубящий в свой боевой рог? Где гремящая Полтава?

Где изумительные Карамазовы, о которых до сих пор говорит весь земной шар? Грушенька? Смердяков? Раскольников?

Где его Тарас Бульба, весь из чугуна? Где Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна? Где Чичиков, Хлестаков, Ноздрев, Собакевич, пьяненький Каленик, забывший, как танцует гопад?

Где его Обломов? Где бабушка с Верой и Марфинькой?

Где его Ветка Палестины? Где Ангел? Где журчанье воронежского жаворонка Кольцова и грусть Никитина?

Где дьякон Ахилла, сожравший нечаянно в лепешке пятьсот рублей? Где медоточивая богомолка, целую ночь напролет рассказывающая о чудесах кронштадтского святителя?

Где все те острые словечки, которыми засыпали русскую речь Крылов и Грибоедов? Где у него хотя бы одно толстовское, смешное, всеми с удовольствием принятое «образуется»?

Ничего этого у Бунина нет — он прошел пажитями русской литературы впустую, и ни единой борозды его в сознании народа не осталось. Его герои <—> это мутные пятна, слова, призраки. Он просто пингвин, не умеющий летать. У него отмерла душа, если она когда у него была. Он совершенно лишен способности творить живую жизнь. У него нет воображения, «выдумки», как говорил Тургенев. Он весь в словах, т.е. литератор в самом точном смысле этого слова. Если он берется переводить Гайавату, чужое, мы имеем прекрасный перевод: ему нужны тут только слова. Но стоит ему подойти к жизни самостоятельно, и он бессилён, как рыба на песке. Всё, что у Бунина есть, это его образный — может быть, слишком образный — язык. Айхенвальд, критик из «Руля», назвал этот язык «парчой»²⁹. Тур-

²⁹ Наживин имеет в виду рецензию Ю.И. Айхенвальда на 34-ю книгу «Современных записок». О языке «Жизни Арсеньева» критик пишет: «Поистине драгоценную словесную ткань разостлал перед нами Иван Бунин, но ткань эта тяжела. Она тяжела тяжестью спелых колосьев, полновесностью классических бунинских слов, роскошностью литературной парчи, — но, как бы то ни было, она тяжела» (*Айхенвальд Ю.* Литературные заметки // Руль. 1928. № 2219, 14 марта. С. 2).

генов называл толстовский язык «непроходимыми болотами»³⁰. И вот Толстой из этих болот поднял на свет «Войну и мир», «Анну Каренину», «Казаков», а Бунин из своей парчи понаделал мертвых кукол, которых мы, хоть убей, вспомнить не можем... Да и парча-то эта частенько подъедена молью: он говорит о «синем» черноземе, о «лиловых» глазах лошади и о какой-то «пожилой отроковице»³¹. Под этими потугами ему хочется скрыть свое творческое бессилие...

Бунин <-> это бескрылый пингвин, рожденный ползать. Его литературный багаж весь поместится в затасканный беженский чемоданчик. Это серенькая и скудная страничка из истории русской литературы не XX, но XIX века...

III

Теперь Бунин презрительно шпыняет тех, кто ему раньше напояминал, что

Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан...³²

³⁰ Об этих словах И.С. Тургенева Наживин узнал, скорее всего, из воспоминаний А.А. Толстой, которыми предварялась ее переписка с Л.Н. Толстым. Тетушка «великого писателя русской земли», среди прочего, писала о Тургеневе: «Он был у меня за год до своей смерти, провел целое утро, и между прочим, конечно, было говорено и об Л<ъве> Т<олстом>. В то время уже начинали являться его так называемые богословские сочинения. Тургенев относился к ним с полным негодованием и не мог утешиться, что он оставил литературу “pour écrire de pareilles billevesées” <чтобы писать такой вздор (фр.)>, как он выражался. — “И заметьте”, прибавил он, “что и слог его похож теперь на непроходимое болото”, — с чем я не могла не согласиться...» (Воспоминания графини А.А. Толстой // Переписка Л.Н. Толстого с гр. А.А. Толстой. 1857–1903. СПб., 1911. С. 16–17).

³¹ О «синей густой грязи», облепившей редьку, говорится в VI главе 1-й книги «Жизни Арсеньева» (с. 26). О «крупных лиловых глазах лошадей» — там же, в VII главе (с. 27). Образ «“чернички”, очень опрятной пожилой отроковицы» возникает в XIX главе той же 1-й книги, где описывается умершая бабушка главного героя (с. 69). То особенное, художническое чувство цвета, которое так раздражало Наживина, в бунинском романе играет далеко не вспомогательную роль. Вот что рассказывает Арсеньев о своем детском увлечении живописью под влиянием домашнего учителя Баскакова: «Я долгое время весь дрожал при одном взгляде на ящик с красками, пачкал бумагу с утра до вечера, часами простаивал, глядя на цветы, на солнечный свет и тени, на ту дивную, переходящую в лиловое синеву неба, которая сквозит в жаркий день против солнца в верхушках деревьев, как бы купающихся в этой синеве, — и навсегда проникся глубочайшим чувством и сознанием истинно-божественного смысла и значения земных и небесных красок» (Бунин Ив. Жизнь Арсеньева. С. 46).

³² Наживин намекает на статью Бунина «О писательских обязанностях», которая сначала была опубликована в рижской газете «Сегодня» (1921. № 140, 23 июня. С. 2–3), затем, после небольшой правки, — в пражской газете «Огни» (1921. № 6, 12 сент. С. 2–3). См.: Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М., 2000. С. 121–124.

Он предпочитает довольствоваться «звуками сладкими и молитвами», которых у него, однако, тоже не хватает. Он одновременно и мертвец, и ловкий человек, в смутное время не торопящийся высказываться. Но мертвецу нужен могильный камень, а ловчиле не лавры, а розги.

Моя первая встреча с Буниным произошла в Одессе³³, где под раскатами страшной грозы он как будто стал немножко протирать глаза и понимать, что всё это немножко как будто касается и до него³⁴. Забыв то время, когда он визжал от радости над гробом Столыпина, теперь он был откровенно правым³⁵. Теперь ему была нужна белая лошадь — не для того, чтобы сесть на нее — это слишком страшно, — а для того, чтобы, падши, облобызать след ее высочайших копыт. Но, будучи правым, он и тут боялся выявить свой лик четко и откровенно и предпочитал благодетельный туман³⁶. Этот же туманный лик хранит он и в эмиграции, ухитряясь каким-то образом примирять свои явно-дворянские симпатии с участием в отменно-демократических органах. Его нет, как всегда, в опасных местах боя, на прорывах, на бреши³⁷, — его нет нигде, кроме мирного Грасса, где он жует утомительную дворянскую жвачку под кровом какого-то богатого еврея-мецената³⁸. Он, как и раньше, сон, он отрицание всякой жизни, он — нуль...

³³ По мнению С.Н. Морозова, писатели познакомились между 6 и 10 января 1919 г. (или, по старому стилю, — между 24 и 28 декабря 1918 г.). См.: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. С. 975.

³⁴ Наживин беззастенчиво жлет: Бунин с самого начала революционных событий понимал их значение и предвидел их последствия. Об этом говорит вся его публицистика периода «великой русской революции» и Гражданской войны.

³⁵ Это также не соответствует действительности. Бунин был скорее центристом. Иначе он не стал бы «мишенью» для левой печати Одессы и не дистанцировался бы от правых кругов противобольшевистских сил, чему имеется множество свидетельств (в частности — дневниковые записи В.Н. Муромцевой за 1919–1920 гг.).

³⁶ Опять-таки умышленная клевета: Бунин и до, и в период эмиграции очень четко обозначал свои политические воззрения и пристрастия. Будучи убежденным государственным (в духе А.И. Деникина, П.Б. Струве, Г.К. Гинса и др.), он еще в ноябре 1919 г. прямо заявлял: «Я не правый и не левый, я был, емь и буду непреклонным врагом всего глупого, отрешенного от жизни, злого, лживого, бесчестного, вредного, откуда бы оно ни исходило» (*Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов. С. 43). Очевидно, именно по этой причине (а не из-за своей мнимой «туманности» или тем более «беспринципности») в эмиграции он сотрудничал и в умеренно-левых, и в умеренно-правых, и в центристских изданиях.

³⁷ Возможно, в этих строках сказалась застарелая досада, вызванная нежеланием Бунина участвовать в наживинских литературно-политических замыслах начала 1920-х гг. (см.: И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка. С. 277–326; Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 317–332).

³⁸ Скорее всего, под «евреем-меценатом» Наживин подразумевает Илью Исидоровича Фондаминского (1880–1942) — общественно-политического

Никогда я не забуду одной встречи с ним³⁹. Было хорошее настроение, и я по-дружески сказал ему:

— А ведь годки-то у нас уходят, Иван Алексеевич, пора бы вам встаться и за что-нибудь большое... А то, смотрите, будет поздно...

Он даже весь побелел.

— Так дайте мне к этому возможность!.. — прошипел он в припадке того бунинского бешенства, когда он способен валяться по полу и визжать, как истеричка. — Дайте мне возможность...

— Что значит: дайте?.. — пристально посмотрел я на него. — Возьмите!..

— Где?

— Где берут все. Где брал нищий Достоевский, творя свои чудеса, где брал нищий Гоголь, где брали сотни нищих писателей...

— В такой обстановке я работать не могу!..

И вот, наконец, раскачался и взялся за свою большую автобиографию⁴⁰. Из накопленного за долгую жизнь материала большой художник, конечно, легко мог бы создать большой роман, но Бунин, как евангельская смоковница, давно уже поражен бесплодием и вот, придавленный этим проклятием⁴¹, он просто списывает в книжку свое прошлое. Его «Жизнь Арсеньева» <-> это жалкий Анабазис маленького Ксенофонта⁴², которому сделать своего знаменитого похода не удалось и, понятно, уже не удастся: поздно! Он очень метко называет посмертные вещи Толстого «тарелкой воды»⁴³ — его

и религиозного деятеля, масона, публициста, соредатора и соиздателя «Современных записок». Но в таком случае Наживин снова допускает неточность: виллу «Бельведер» Бунины совместно с семьей Фондаминских снимали у мэра Грасса Э. Рукье.

³⁹ Судя по сохранившимся документальным свидетельствам (в частности, по дневникам четы Буниных, по переписке Бунина и Наживина), писатели виделись нечасто. Они определенно (и, возможно, не раз) встречались в Одессе (1919), в Белграде (1920), не исключено, что и в Париже (1924, 1927). Где именно произошла описанная Наживиним встреча и насколько достоверно ее описание, сказать трудно.

⁴⁰ Наживин имеет в виду «Жизнь Арсеньева». Между тем, как известно, Бунин категорически возражал против того, чтобы его роман воспринимали как автобиографию.

⁴¹ Нечто подобное о Бунине в начале 1920-х гг. писал И.М. Василевский (Не-Буква). См.: *Василевский И. (Не-Буква). Бесплодие: Литературные настроения // Последние новости. 1921. № 291, 1 апр. С. 2; Он же. Что они пишут? (Мемуары бывших людей). Л., 1925. С. 40–48.* Возможно, ряд антибунинских публицистических клише Наживин позаимствовал именно у Василевского (Не-Буквы).

⁴² Имеется в виду древнегреческий писатель и историк Ксенофонт (около 430 г. до н. э. — не ранее 356 г. до н. э.) и его главный труд «Анабазис Кира», который считается одной из первых античных автобиографий.

⁴³ Такого выражения в опубликованных произведениях Бунина найти не удалось. Возможно, нечто подобное Бунин сказал во время одной из встреч с Наживиним. Или же мы имеем дело со случаем своего рода аберрации. В разных редакциях бунинского очерка о Л.Н. Толстом, в эпизоде, предшествующем описанию

Анабазис <—> это вода без тарелки. Книга эта, однако, чрезвычайно показательна: это ужасное «свидетельство о бедности» не только Бунина, но и всего его круга, и всей эмиграции...

IV

«Жизнь Арсеньева» <—> это автопортрет Бунина, от «истоков дней» до впадения под оглушительный крик кукушек в море окончательного забвения. Не только все его герои, но и сам автор книги — мутные пятна. Всё это уездные моншеры, человечки «с преувеличенно барскими замашками, с подозрительно развязной требовательностью, с низким больше от водки, чем от барства голосом»⁴⁴. Рисуя своего отца, пьяницу и мота, он тем не менее гордится, что он «слава Богу, не из тех, у кого нет ни роду, ни племени»⁴⁵. Совершенно понятно гордиться тем, что вот в моем роду стоит светлой горой какой-нибудь подлинный слуга человечества, но чем гордиться в этом длинном ряду пьяных уездных моншеров, совершенно непонятно!*)

Вспоминая о Пушкине, Бунин гордо пишет, что «Пушкин вполне наш» — т.е. дворянский — по «тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежим вместе с ним. Он и писал всё только наше, для нас и с нашими чувствами»⁴⁶. Превосходно: опущена только

знакомства автора с его кумиром, рассказывается о том, как за день до этого знакомства толстовец А.А. Волкенштейн отправился к «учителю», а потом вернулся поздно вечером со словами: «Я точно живой воды напился!» (см., напр.: *Бунин Ив.* О Толстом // *Современные записки.* 1927. Кн. 32. С. 12). Не исключено, что именно эта реплика в интерпретации Наживина и превратилась в «тарелку воды».

⁴⁴ Неточная цитата из VIII главы 2-й книги «Жизни Арсеньева». Речь в этом фрагменте идет о Дворянской гостинице в городе, где учился Алеша Арсеньев, и о ее постояльцах, среди которых «даже настоящие хорошие господа только притворялись теперь господами, а прочие были просто “уездные моншеры”, как он <гостиничный лакей Михеич> называл их, люди с преувеличенно-барскими замашками, с подозрительно-развязной требовательностью, с низкими больше от водки, чем от барства голосами» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 102).

⁴⁵ Наживин цитирует строки из I главы 1-й книги «Жизни Арсеньева»: «Знаю, что род наш “знатный, хотя и захудалый” и что я всю жизнь чувствовал эту знатность, гордясь и радуясь, что я не из тех, у кого нет ни рода, ни племени» (Там же. С. 10). Однако, вопреки интерпретации Наживина, Бунин здесь имеет в виду гордость не узко-сословную, а скорее нравственную. Ведь недаром далее говорится: «Среди моих предков было, вероятно, немало и дурных людей. Но все-таки из поколения в поколение наказывали мои предки друг другу помнить и блюсти свою кровь, священным долгом почитали внедрять и, как-никак, все-таки внедряли в душу друг другу: будь достоин своего благородства, будь добрым сыном Церкви и отчества, служи на пользу им, держи свое слово, свои обеты, старайся быть правдивым, милосердным, щедрым, самоотверженным, в битве бесстрашным и честным, в любви и браке чистым...» (Там же. С. 10–11).

⁴⁶ Наживин неточно и тенденциозно цитирует строки из VIII главы 3-й книги «Жизни Арсеньева». Ср.: «Пушкин <...> был для меня вовсе не чтением, а подлинной частью моей жизни. <...> Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека

маленькая подробность о том, что это «мы» же его травили на все лады и убили его в самом расцвете его сил.

И не то диво, что вся эта дребедень пишется этим уездным моншером с душой земского начальника⁴⁷, а то, что всё это печатается вчерашними эсериками⁴⁸. Я вполне понимаю, что, получив от судьбы такую головоломку, как мы, человек может очуметь, но всё же закреплять за собой в жизни позицию земского начальника навсегда, как это можно? Как можно возвращаться с таким бесстыдством на историческую блевотину? И точно чтобы подчеркнуть весь этот стыд б<ывших> людей, Бунин зарисовывает мутно портрет своего соседа, полуумного⁴⁹ помещика, который, стремясь выторговать у крестьян пятак заработной платы, оставляет в полях тысячи коп хлеба⁵⁰.

вполне «нашего» по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал, казалось мне, все только наше, для нас и с нашими чувствами. Буря, что в его стихах мглой крыла небо, «вихри снежные крутя», была та самая, что бушевала в зимние вечера вокруг Каменского хутора. Мать иногда читала мне с грустной и ласковой улыбкой: «Вчера за чашей пуншевою с гусаром я сидел» — и я спрашивал: «С каким гусаром, мама? С покойным дянькой?». Она читала: «Цветок засохший, безуханный, забытый в книге, вижу я» — и я видел этот цветок в ее собственном девичьем альбоме...» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 176–177). Под словом «наш» Бунин, несомненно, разумел не «дворянский», а «семейный», «домашний», «родственный».

⁴⁷ «Земский начальник» — один из устойчивых наживинских «ярлыков» в отношении Бунина (см.: *Бакуцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился»... С. 259–267). Вообще же, согласно Большой российской энциклопедии, земскими начальниками в Российской империи назывались «должностные лица, осуществлявшие административно-судебную власть над крестьянами». Согласно Положению от 12 июля 1889 г., земские начальники «назначались министром внутренних дел по представлению губернатора после его консультации с уездными предводителями дворянства; предпочтение отдавалось потомственным дворянам, имевшим высшее образование и недвижимую собственность в уезде. <...> Широкие полномочия, предоставленные земским начальникам, позволили им упорядочить деятельность органов крестьянского самоуправления, но в то же время вызвали резкую критику со стороны либерально настроенных общественных деятелей, которые осуждали совмещение земскими начальниками административных и судебных функций, а также видели в институте земских начальников проявление политики «попечительства» по отношению к крестьянству» (https://w.histrf.ru/articles/article/show/ziemskie_nachalniki; дата обращения: 06.04.2020). Институт земских начальников был упразднен Временным правительством.

⁴⁸ Имеются в виду издатели-редакторы журнала «Современные записки» и одноименного издательства, члены партии социалистов-революционеров Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк, В.В. Руднев и И.И. Фондаминский.

⁴⁹ Так в подлиннике.

⁵⁰ Наживин имеет в виду строки из XX главы 1-й книги «Жизни Арсеньева»: «Заказ был довольно большой полевой лес, принадлежавший полусумасшедшему помещику, который одиноко и враждебно всему миру, точно в крепости, сидел в своей усадьбе возле Рождества, охраняемый свирепыми овчарками, вечно судился с рождественскими и новосельскими мужиками, никогда не сходясь с ними в ценах на работу, так что нередко случалось, что у него оставались целые косяки хлебов некошенными или до глубокой осени гнили в поле, а потом гибли под снегом тысячи копен» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 75).

А вот общество гимназистов-дворян, которые никак не желают впускать в свою избранную среду «разных там Заусайловых», а в центре этих избранников царит Наля Р., полугимназистка-полублядь, которая к 16 годам прошла уже все медные трубы и в одиночку может тарарахнуть целую бутылку — конечно, шампанского⁵¹. А вот и сам автор впадает у печки в грехопадение с молоденькой крестьянкой, только что вышедшей замуж (сцена грехопадения описана в больших подробностях — ничто не должно быть опущено в нашем Анабазисе). Муж узнает обо всем, грозит уездному моншеру, его вместе с «Тонькой» сплавляют куда-то, и уездный моншер, сорок лет спустя, в Париже, рассказывая об этом, назидательно вздыхает: «Бог спас!..»⁵²

Бунинский бог вообще чрезвычайно напоминает бога наших Романовых, которые то и дело стремились, бывало, подстегнуть его молебнами на свою сторону. Если барчук спасся от воздействия мужика, у которого он опоганил молодое гнездо, надо вознести благодарение Господу. Если его брат арестован жандармами за социализм, мать начинает молиться и поститься, и «бог не только пощадил ее, но и наградил: через год брата освободили», пишет почетный академик в Париже⁵³. По пути он зарисовывает портрет Александра Невского так: «Божий витязь, в страхе Божиим приложивший руку к груди и горе поднявший грозные и благочестивые очи»⁵⁴. Но разве, Ми-

⁵¹ Имеется в виду содержание XI главы 2-й книги «Жизни Арсеньева», где однокашник главного героя Вадим Лопухин предлагает ему вступить в «кружок гимназистов-дворян, чтобы не мешаться больше со всякими Архиповыми и Заусайловыми», и познакомиться с Налей Р.: «Она еще гимназистка, дочка очень чванных родителей, но уж прошла огонь и воду и медные трубы, умна, как бес, весела, как француженка, и может выпить бутылку шампанского без всякой посторонней помощи. А сама аршин ростом, и ножка — как у феи... Понимаешь?» (Там же. С. 113–114). Между тем повествователь отзывается и о Лопухине, и о Нале Р., и о «кружке гимназистов-дворян» без всякого сочувствия. О Лопухине он говорит, что тот «определенно принадлежал» к разряду «ненавистных» ему людей. И с явным облегчением («к счастью») пишет о том, что и Нале — поразившей его своей чувственностью «женщине-девочке» — не пришлось его «образовать», и «из кружка ничего не вышло» (Там же. С. 115).

⁵² Наживин очень неточно пересказывает финальные (XIII–XIV) главы 3-й книги «Жизни Арсеньева».

⁵³ Ср.: «Мать <...> дала Богу, за спасение брата, обет вечного поста, который она и держала всю жизнь, вплоть до самой своей смерти, с великой строгостью. И Бог не только пощадил, но и наградил ее: через год брата освободили и, к ее великой радости, выслали на трехлетнее жительство в Батурино, под надзор полиции...» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева*. С. 129).

⁵⁴ В данном случае Наживин откровенно передергивает. Бунин зарисовывает образ Александра Невского не «по пути», а рассказывая о чувствах своего героя в IX главе 2-й книги «Жизни Арсеньева», во время церковных служб, на которые приводили гимназистов: «...если бы даже и правду говорил Глебочка <одноклассник и сосед-«нахлебник»>, утверждающий со слов некоторых плохо бритых учеников из старших классов, что Бога нет, все равно нет ничего в мире лучше того, что

трофанушка, вы, кроме Иловайского⁵⁵, которому вы тут подражаете, так ничего по русской истории прочесть и не удосужились? У других русских историков вы узнали бы, что этот Божий витязь, стремясь закрепить свою власть, нисколько не стеснялся ездить с доносами в Орду и водил оттуда «поганых» на Русь. «Мудрейшие из нас, — молитвенно вещавает земский начальник, — это угодники Божии. Им Бог некогда отвечал, им Он открывался, их Он за умерщвление плоти, за отказ от всего телесного в мире... наставил до конца, возлюбил и успокоил в вечном и блаженном лоне Своем»⁵⁶. И вот, отдохнув в этом священном пустословии, наш уездный моншер, вместо того, чтобы подражать угодникам, распяется публично над своими грязными воспоминаниями и несется скорее с Милюковым к «гостеприимному» Корнилову⁵⁷ и в «Маджестик», в то время как слепой, глухой и голодный собрат наш В.В. Водовозов бросается под поезд, а за ним чрез неделю следует и его старушка-жена⁵⁸. О, прелюбодеи слова!.. О, эти новые «верующие» назло большевикам!..

я чувствую сейчас, слушая эти возгласы, песнопения и глядя то на красные огоньки перед тускло-золотой стеной старого иконостаса, то на святого Божьего витязя, благоверного князя Александра Невского, во весь рост и в полном воинском доспехе, в шишаке и кольчуге, написанного на златенном столпе возле меня, в страхе Божиим и благоговении приложившего руку к груди и горе поднявшего грозные и благочестивые очи...» (Там же. С. 107).

⁵⁵ *Иловайский* Дмитрий Иванович (1832–1920) — историк, публицист, автор пятитомной «Истории России» (М., 1878–1905) и учебников истории для гимназий, издатель право-консервативной газеты «Кремль» (М., 1897–1916).

⁵⁶ Неточная цитата из XVIII главы 1-й книги «Жизни Арсеньева». В начале этой главы повествователь рассказывает о своем потрясении, которое вызвала в нем смерть младшей сестры Нади, и о своих детских молитвах: «Вскоре все мои помыслы и чувства перешли в одно — в тайную мольбу к Нему, в беспрестанную безмолвную просьбу пощадить меня, указать путь из той смертной сени, которая простерлась надо мной и вокруг меня во всем мире. Но Бог молчал; за него говорил тот скорбный и единственно спасительный опыт, который познало человечество на своих земных путях и который узаконили и освятили мудрейшие из нас — угодники Божии: им Бог некогда отвечал, им Он открывался, их Он, за умерщвление плоти, за отказ от всего телесного мира, за безраздельную любовь только к Нему одному, наставил до конца, возлюбил и успокоил в вечном и блаженном лоне Своем, совершенно чуждом миру и во всем ему противоположном» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 63–64).

⁵⁷ Имеется в виду русский ресторан «Осетр» Ф.Д. Корнилова, открытый в Париже в 1924 г.

⁵⁸ Василий Васильевич Водовозов (1864–1933) — юрист, экономист, публицист — свел счеты с жизнью, бросившись под поезд, 7 октября 1933 г. (т.е. за месяц до присуждения Бунину Нобелевской премии). Его жена Ольга Александровна (урожд. Введенская, 1884–1933) — историк, переводчица — через 40 дней после смерти мужа также совершила самоубийство, приняв большую дозу снотворного. Очевидно, Наживин упоминает эти два факта исключительно в пропагандистских и манипулятивных целях, прекрасно зная, что до своего увенчания Бунин, подобно чете Водовозовых и тысячам других русских изгнанников, едва сводил концы с концами. Впрочем, «усоветить» новоизбранного нобелевского лауреата пытался не только Наживин, у которого в Париже были единомышленники, прибегавшие к схожим, чисто шантажистским приемам. Так, руководство Комитета помощи

Конечно, среди роз Грасса моншер и теперь не прочь преподавать мужикам отеческое наставление. Православных душ печальник, господин земский начальник говорит: «свое безделье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность мужик оправдывает только тем, что не хотели отнять для него лишнюю пядь земли от соседа-помещика, и без того каждый год всё скудевшего»⁵⁹. Но почему же вы, моншер, всё только пьянствовали да скакали, а не научили мужика, как надо работать и устраиваться... хотя бы по третьей закладной? Почему вы на его глазах, загнав бедную «Кабардинку», не сочли нужным выводить ее, а убили — по халатности, по преступному равнодушию ко всему — так жестоко и глупо?⁶⁰ Почему вы, моншер, до сих пор не дали себе труда понять, что царствование Александра III было совсем не «временем русской силы и огромного сознания ее»⁶¹, как вы теперь между «своими» витийствуете, а, наоборот, царствование это, темное, пьяное и дурашное, было лишь подготовкой той страшной катастрофы, в которой погиб сын-выродок этого

русским писателям и ученым во Франции, узнав о вердикте Шведской академии, сочло справедливым потребовать от Бунина возврата денег, которые он в 1920-х гг. в виде ссуд получил для себя и целого ряда нуждавшихся литераторов. Один из членов Комитета, С.Г. Сватиков, видимо, не смея обратиться напрямую к Бунину, написал 9 декабря 1933 г. его жене — в надежде, что та сумеет соответствующим образом повлиять на лауреата. В этом письме, которое ныне хранится в коллекции В.Н. Буниной в РАЛ (MS. 1067/7054), среди прочего, говорится о вероятности самоубийств как об одном из последствий бунинского «небрежения» к нуждам Комитета.

⁵⁹ Наживин передергивает смысл строк из XVI главы 1-й книги «Жизни Арсеньева». Ср.: «Рос я <...> среди крайнего дворянского оскудения, которого опять-таки никогда не понять европейскому человеку, чуждому русской страсти ко всяческому самоистреблению. Эта страсть была присуща не одним дворянам. Почему, в самом деле, влачил нищее существование русский мужик, все-таки владевший на великих просторах своих таким богатством, которое и не снилось европейскому мужику, а свое безделье, дрему, мечтательность и всякую неустроенность оправдывавший только тем, что не хотели отнять для него лишнюю пядь земли от соседа-помещика, и без того с каждым годом все скудевшего? Почему алчное купеческое стяжание то и дело прерывалось дикими размахами мотовства с проклятиями этому стяжанию, с горькими пьяными слезами о своем окаянстве и горячечными мечтами по своей собственной воле стать Иовом, бродягой, босяком, юродом? И почему вообще случилось то, что случилось с Россией, погибшей на наших глазах в такой волшебной краткий срок?» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева*. С. 59).

⁶⁰ Имеется в виду эпизод в VI главе 4-й книги «Жизни Арсеньева»: «Я возвращался в ледяные багровые сумерки. На пристяжке была Кабардинка, всю дорогу не дававшая отдыха шедшему крупной рысью кореннику. Приехав, я о ней не подумал, ее, не выведив, напоили, потная, она смертельно продрогла, простояв морозную ночь без попоны, и под утро пала» (Там же. С. 214).

⁶¹ Наживин имеет в виду начало IV главы 2-й книги «Жизнь Арсеньева», где речь идет о «чисто русской» гордости Ростовцева, и не только его: «Куда она девалась позже, когда Россия гнила? Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены? Как бы то ни было, знаю точно, что я рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее» (Там же. С. 88–89).

предпоследнего царя. Один лендлорд тамбовский, камергер Двора Его Императорского Величества и граф, прочитав мой трехтомный роман «Во дни Пушкина»⁶², не без удивления сказал мне: «только теперь, наконец, я понял, почему нас так ненавидел народ!..», а вы, моншер, не поняли этого даже и теперь... В пустой душонке вашей кипит злоба. В жалкой книжонке вашей об «истоках дней» ваших вы соизволили собственноручно начертать изумительные слова:

«“Страшная месть” (Гоголя) возбудила в моей душе то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки, чувство священнейшей законности возмездия, священнейшей необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается. Это чувство есть несомненная жажда Бога, есть вера в Него. В минуту осуществления Его торжества и Его праведной кары оно повергает человека в сладкий ужас и трепет и разрешается бурей восторга как бы злорадного, который есть на самом деле взрыв нашей любви к Богу и к ближнему»⁶³.

Близкий участник «белого» движения, свидетельствую: этими священными чувствами были в высшей степени одушевлены офицеры Дикой дивизии, любимый покрик которых был: «веревок!» Бедный Деникин, топя ногами и плача, напрасно требовал немедленного повешения этих святителей: их прятали. Гукасовская газета⁶⁴ и теперь еще сладко мечтает о такой мести народу, чтобы «небо надвое расколосось», и много я знаю среди эмиграции архангелов Божиих, которые только и ждут, что <бы> выступить по русским деревням с саблей, нагайкой и веревкой. Вы, их идеолог, должны были бы понять, что если ваше утверждение о святости мести справедливо, то народ, измученный и озлобленный вами, поступил в полном со-

⁶² Роман «Во дни Пушкина» увидел свет в Париже в 1930 г. в составе наживинского Собрания сочинений (т. 21–23).

⁶³ Наживин неточно цитирует финальные строки XV главы 1-й книги «Жизни Арсеньева». Ср.: «“Страшная месть” пробудила в моей душе то высокое чувство, которое вложено в каждую душу и будет жить вовеки, — чувство священнейшей законности возмездия, священнейшей необходимости конечного торжества добра над злом и предельной беспощадности, с которой в свой срок зло карается. Это чувство есть несомненная жажда Бога, есть вера в Него. В минуту осуществления Его торжества и Его праведной кары оно повергает человека в сладкий ужас и трепет и разрешается бурей восторга как бы злорадного, который есть на самом деле взрыв нашей любви и к Богу, и к ближнему...» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 57).

⁶⁴ Имеется в виду газета А.О. Гукасова «Возрождение» (Париж, 1925–1940), которая в первые два года существования, при П.Б. Струве, носила либерально-консервативный характер, а после его ухода (1927) заняла откровенно правую позицию.

гласии с волей Божией, выбросив вас, наконец, к чертовой матери... Аминь, моншер!..

*) Кстати или некстати, всё равно: заезжает ко мне член Гос. Думы бар<он> Э. Разговорились о Париже. Спрашиваю, как Бунин. «Как всегда: обижается». «На что?» «На всё: на то, что не так его приняли, на то, что в собрании не его выбрали председателем, на то, что не оказали знаков подданничества». «В самом деле, он записан, кажется, в 6-ю книгу».

V

Нудный, глупый, бессильный рассказ ваш о вашем детстве вы закончили сладчайшими воспоминаниями о двух встречах ваших с... высочайшим псарем⁶⁵, в<еликим> к<нязем> Николаем Николаевичем⁶⁶. Эти две картинки тут ни к селу, ни к городу, и говорят они только о том, что мозг ваш уже вышел из повиновения вам, что он весь во власти случайных образов, которые и заставляют вас говорить все эти глупости и пошлости. О, если бы, памятуя о толстовских «тарелках воды», вы — или ваши близкие — поняли, наконец, что всё, что вам теперь осталось, это положить перо и сказать, как Кармазинов у Достоевского: мерси!⁶⁷

Первая встреча ваша с будущим Вождем произошла в Орле на вокзале, где вас привело в трепет созерцание длинных ног высочайшего псаря и «зоркость его царственных глаз»⁶⁸. Царственный

⁶⁵ Великий князь Николай Николаевич-младший был страстным собачником и охотником. В 1887 г. он «купил пришедшее в упадок имение в селе Першино Алексинского уезда Тульской губернии и основал там Першинскую великокняжескую охоту», которая просуществовала до 1914 г. «В Першине хорошо была поставлена селекционная работа. Першинские русские псовые борзые считались образцовыми. Щенков широко раскупали иностранцы. Считается, что именно Першинская охота способствовала популяризации этой породы в мире и ее сохранению после революции. Также именно в Першине была выведена управляющим делами великого князя Д. П. Вальцевым порода “русская пегая гончая”» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Николай_Николаевич_Младший; дата обращения: 04.04.2020).

⁶⁶ Наживин имеет в виду финальные (XX–XXIII) главы 4-й книги «Жизни Арсеньева».

⁶⁷ Семен Егорович Кармазинов — персонаж «Бесов», исписавшийся литератор. “Merci” — название одного из его «шедевров».

⁶⁸ Ср.: «Тут вся толпа встречающих подалась назад, а из среднего вагона тотчас вслед за тем мягко и точно остановившегося поезда быстро появился и шагнул на красное сукно, заранее разостланное на платформе перед ним, молодой, ярко-русый гигант-гусар в красном доломане, с прямыми и резкими чертами лица, с тонкими, энергично и как бы несколько презрительно изогнутыми ноздрями, с чуть-чуть выдвинутым подбородком, совершенно поразивший меня своей нечеловеческой высотой, длиной тонких ног, зоркостью царственных глаз, больше же всего гордо

доезжачий и мировой чемпион по матерщине — в этом отношении вы уступаете ему, родственная душа, разве только на полголовы⁶⁹ — в это время провожал гроб своего отца⁷⁰ из Крыма в Петербург. Там он, смердя, живо гнил от сифилиса и учинял невероятные скандалы⁷¹, настолько безобразные, что к нему по повелению Александра III был приставлен в качестве няни с НЕОГРАНИЧЕННЫМИ полномочиями проф. П.И. Ковалевский, очень известный сифилидолог⁷², потом вице-ректор Варшавского и ректор Харьковского университета, недавно умерший в эмиграции в очень преклонном возрасте и большой нужде. Уже стоя обеими ногами в могиле, бедный старик без конца рассказывал мне о своих царственных пациентах. Его рассказы опубликованы мною частью в моем романе «Собаки» на английском языке⁷³, который встретил такой теплый прием в Англии и Америке. Ваши эсеры не отметили этой страшной книги ни единым словом. Неужели же правы, в самом деле, большевики, что всю эту грязь и гниль они вымели из России вон? Прочтите на свободе, моншер, эту книгу о вашем герое, которого старик-профессор с великим отвращением иначе никогда не называл, как «пьяница, дурак и зверь».

Вторая встреча ваша с «Вождем», который увел от России все западные губернии с их крепостями⁷⁴, а здесь собирал гроши с нищих, обещая им походы на Москву, которых, как он хорошо знал,

и легко откинутой назад головой в коротких и точно гофрированных ярко-русых волосах и крепко и красиво вьющейся рыжей острой бородкой...» (*Бунин Ив.* Жизнь Арсеньева. С. 257–258).

⁶⁹ Бунинская привычка сквернословить не раз становилась предметом наживинских обличий. См. письмо Наживина к Алданову от 17 ноября 1934 г. (*Бакунцев А.В.* «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...». С. 260), а также автограф 1-го тома «Материалов к истории новейшей русской литературы»: «Сын крепостной крестьянки, <...> я всегда испытывал мучительное стеснение от матерного стиля Ивана де Бунин, орловского аристократа, и все пулюиво оглядывался, нет ли поблизости женщин. Но он не стеснялся нисколько» (РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Ед. хр. 9. Л. 39).

⁷⁰ Имеется в виду великий князь Николай Николаевич-старший (1831–1891).

⁷¹ Сведения Наживина не вполне точны: в 1880 г. у Николая Николаевича-старшего была обнаружена злокачественная опухоль десны, которая, по-видимому, дала метастазы в головной мозг и повлияла на психическое здоровье великого князя. Болезнь обострилась после смерти его возлюбленной — балерины Е.Г. Числовой (1846–1889). «Великий князь испытывал сексуальное влечение ко всем окружающим женщинам; после ряда инцидентов стало очевидно, что он не в состоянии контролировать собственное поведение. Последние годы находился под домашним наблюдением и не появлялся на публике» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Николай_Николаевич_Старший; дата обращения: 04.04.2020).

⁷² Наживин и тут неточен: Павел Иванович Ковалевский (1859–1931) был психиатром.

⁷³ См.: *Nazhivin I. The Dogs.* London: J.B. Lippincott, 1931. 336 p.

⁷⁴ Наживин намекает на отступление Русской армии в 1915 г., которое было предпринято по приказу Николая Николаевича-младшего, тогдашнего Верховного Главнокомандующего, для ее сохранения.

никогда не будет (ваши восхвалители из милюковской газеты очень едко говаривали, что эти средства в «казну великого князя» идут на устройство у него... центрального отопления!..) — так вторая встреча ваша с ним произошла на юге Франции, когда Вождь лежал уже в гробу, бездыханен и, к счастью, безгласен. Вы, моншер, конечно, поторопились поклониться праху этого рыцаря печального образа, и, конечно, опустили у его гроба на колени, и, конечно, по своему обыкновению, распустили сопли, и, конечно, о чувствительности вашей поведали, как всегда, *urbi et orbi*⁷⁵.

На этом акафисте вашем псарю сладчайшему кончается ваша бестолковая и бескрылая книга, самый беспощадный приговор «вашему кругу» — в этом ее огромная заслуга перед русским народом.

VI

Потерявшему всякое чувство меры своих сил моншеру показалось и этого мало в смысле выявления верноподданнических чувств, и вот в милюковской газете торжественно объявляется, что завтра у них будет напечатан фельетон нобелевского лауреата, — конечно, «нашего многолетнего сотрудника»⁷⁶. Я прочитал этот страшный «Конец» — страшный по своей пустоте и бездарности. В нем вы пропели панихиду тому, что осталось сзади вас, на черноморском берегу, где, по вашему смачно-дворянскому выражению, царствует теперь «самая подлая чернь». Но, моншер, вы и тут ошиблись: сзади нас осталась Россия, которая ни в малейшей степени «кончатся» и не думает. Она проходит к жизни новой великими муками, главная причина которых <—> то угнетение и невежество, в котором держали народ вы, великие недоросли с царственно-зоркими очами и нагай-

⁷⁵ Скорее всего, имеются в виду строки, которыми венчается описание панихиды по Николае Николаевиче: «И я опускаюсь на колени и, сжимая зубы, страстно плачу» (*Бунин Ив. Жизнь Арсеньева*. С. 263).

⁷⁶ Имеется в виду анонс: «В завтрашнем (воскресном) номере “Последних новостей” будет напечатан рассказ И.А. Бунина о том, как он покидал Россию: “Конец”» (<Б.н.> И.А. Бунин в «Посл<едних> новостях» // Последние новости. 1933. № 4623, 18 нояб. С. 1). Закавыченные слова «наш многолетний сотрудник» взяты Наживинным из заметки «И.А. Бунин в “Последних новостях”» (№ 4621, 16 нояб. С. 3). Рассказ Бунина «Конец» напечатан в газете П.Н. Милюкова 19 ноября 1933 г. (№ 4624. С. 2–3).

кой в руке⁷⁷. Кончилась совсем не Россия — кончилось лишь царство уездных моншеров, подлой черни в дворянской фуражке⁷⁸.

И вот, наконец, заключительный аккорд героической симфонии «Уездный моншер»: б<ывшие> эсерики предпринимают издание полного собрания ваших сочинений⁷⁹. Дело явно безнадежное: несмотря на весь крик заводных газетных кукушек, вас, мертвеца, читать все-таки не будут, и опять ваши книжки будут продаваться из-под полы со скидкой в 95%⁸⁰. Ибо вы прежде всего раб ленивый и лукавый: вы не хотите открыто стать с правыми, но кажете им из-за спины не без приятности вашу дворянскую фуражку (Милюков в гонорах много щедрее Гукасова), но не хотите вы среди демократических друзей ваших и убрать фуражку совсем: не видно еще вам, кто из них возьмет верха, земские начальники или эсерики.

Еще раз возвращаюсь к замечательной беседе нашей, когда вы, моншер, потребовали, чтобы кто-то вам дал денег на создание великих произведений. Злодейка-судьба задумала посмеяться над вами и денег вам дала. Но именно теперь-то вы и не дадите больше ничего⁸¹. Раньше хоть нужда заставляла вас делать какое-то подобие

⁷⁷ Не исключено, что эти и многие другие созвучные им строки, наряду с прозрачными отсылками к горьковскому «Буревестнику», — своего рода реверанс в сторону советской власти. Еще в 1926 г., рассорившись едва ли не со всей эмиграцией, Наживин впервые ходатайствовал о советском гражданстве. В 1934 г. он предпринял новую попытку добиться разрешения вернуться на родину, в течение двух лет переписывался по этому поводу с советскими консульствами в Брюсселе и Париже, обращался даже лично к И.В. Сталину, в качестве «аванса» передал в СССР часть своего архива, предлагал Госиздату свое 40-томное Собрание сочинений. Однако все его усилия оказались тщетными: на родину его так и не пустили (см.: *Куденис В.* Иван Наживин в Бельгии // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 198). Очевидно, советской власти было хорошо известно наживинское двоедушие.

⁷⁸ «Дворянская фуражка», «фуражка с красным околышем» — еще одно излюбленное клише в антибунинской публицистике Наживина.

⁷⁹ Имеется в виду 11-томное Собрание сочинений Бунина, предпринятое берлинским издательством «Петрополис» в 1934–1936 гг. (см.: *Морозов С.Н.* История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265). Между тем ни владельцы издательства — Яков Ноевич Блюх (1892–1968) и Абрам Саулович Каган (1889–1983), ни их парижский партнер, владелец «Дома книги» Михаил Семенович Каплан (1894–1979) эсерами не были. Среди тех, кто в той или иной мере был причастен к изданию бунинского Собрания сочинений, в партии эсеров состоял только литературный агент писателя Марк Львович Слоним (1894–1976).

⁸⁰ Как можно понять из статьи С.Н. Морозова, несмотря на определенные трудности, тома Собрания сочинений расходились неплохо, а некоторые даже настолько хорошо, что издательство втайне от автора, в нарушение договора, дореиздавало их (см.: *Морозов С.Н.* История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина... С. 263). Так что «пророчество» Наживина не подтвердилось.

⁸¹ Неправота этих слов доказывается событиями последующих лет: в 1934–1936 гг. Бунин выпускает Собрание сочинений, в 1937 г. — «Освобождение Толстого», в 1939 г. — 5-ю книгу «Жизни Арсеньева» под заглавием «Лица»; в конце

работы, а теперь вы среди погибающих будете бражничать в вашем «Маджестике», спальном вагоне и у Корнилова и будете — это у вас *spécialité de la maison*⁸² — садить грязной матерщиной. В уже первом интервью вашем, данном разным демократическим прихлебателям, вы пустили осторожное словечко: «я — ленив»⁸³. Вы лжете, моншер! Вы не ленивы, но окончательно придавлены к земле темным и ужасным сознанием вашего полного бессилия⁸⁴. Вы — импотент⁸⁵. Вы — каплун, который, остарев, не годен даже на жаркое.

Когда в Париже братья-писатели уговорили любовницу Николая П, знаменитую Малю Кшесинскую, взглянуть хорошенько в их пользу на балу и вознесли ее за это до небес⁸⁶, я подал заявление в Союз писателей в Париже о своем выходе из числа его членов. Мне известно, что публика в Париже, наглядевшись на наши художества, дала нам кличку: неглубокоуважаемые⁸⁷. После триумфа, который только что устроен эсериками вам, земскому начальнику, мне невероятно стыдно носить звание — когда-то почетное — русского писателя. Вам лично я чрезвычайно благодарен, однако, моншер: вашим раболепством пред опоганенными тенями прошлого, вашим откровенным поплевыванием в сторону нас, не имеющих будто бы ни роду, ни племени и к вашему поганому кругу не принадлежащих, вы окончательно открыли мне глаза, и я, старик с белой уже головой, с облегченным сердцем ухожу от вашего — по выражению графини

1930-х — середине 1940-х гг. пишет множество рассказов, большая их часть составит цикл «Темные аллеи», который выйдет двумя изданиями в Нью-Йорке и Париже в 1943 и 1946 гг. соответственно; в начале 1950-х гг. издает «Воспоминания», еще три сборника рассказов и полный текст «Жизни Арсеньева»; вплоть до самой смерти работает над книгой «О Чехове» и не успевает ее закончить.

⁸² Фирменное блюдо (*фр.*).

⁸³ Имеются в виду слова Бунина из интервью «Последним новостям» в самом начале «нобелевских дней»: «Награда застала меня среди горячей литературной работы. Работу пришлось прервать. Оно приятно, потому что я ленив. Но и жалко. Я чувствую, как трудно будет вернуться к прерванному после новых впечатлений, новых встреч...» (<Б.л.> Нобелевская премия И.А. Бунина: Отзывы иностранной печати. — Планы лауреата // Последние новости. 1933. № 4616, 11 нояб. С. 1).

⁸⁴ В действительности осенью 1933 г. Бунин напряженно работал над 5-й книгой «Жизни Арсеньева» и обдумывал содержание новых глав романа.

⁸⁵ «Импотент» — одна из самых частотных наживинских «характеристик». «Импотентами» Наживин в своих письмах и «Материалах» называл поголовно всех писателей-эмигрантов, делая исключение только для себя и (до 1935 г.) Алданова.

⁸⁶ Возможно, Наживин имеет в виду выступление учениц балетной школы М.Ф. Кшесинской на традиционном балу прессы 13 января 1930 г. (см.: Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Paris; М., 1995. Т. 2. С. 10).

⁸⁷ Одного из своих корреспондентов (скорее всего — М.А. Осоргина) Наживин также уверял в 1935 г.: «...этот титул <“неглубокоуважаемые”> выдуман не мною, а идет из публики» (Цит. по: Бакунцев А.В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»... С. 267). Этим же словом Наживин озаглавил свой сатирический, скандально-эпатажный роман, изданный в Тяньцзине в 1935 г.

Клейнмихель — «потонувшего мира»⁸⁸, чтобы по мере сил служить Новой России, встающей из развалин к жизни новой. Спасибо, моншер!..

Литература

Бакунцев А.В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И.Ф. Наживин об И.А. Бунине (1930-е гг.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 254–275.

Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. 640 с.

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. / Под общ. ред. А.С. Мясникова; подгот. текста и примеч. О.Н. Михайлова. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. 622 с.

И.А. Бунин и И.Ф. Наживин. Переписка / Публ., коммент. В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной, Р. Дэвиса; предисл. В. Кудениса // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 277–326.

Куденис В. Иван Наживин в Бельгии // Российский литературоведческий журнал. 1994. № 4. С. 196–199.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. Т. 2 (1910–1919) / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2017. 1184 с.

Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1. М.: Наука, 1973. 400 с.

Марченко Т.В. «Венок лауреата ему точно впору»: французская пресса о Нобелевской премии Бунина // От Бунина до Пастернака: русская литература в зарубежном восприятии: к юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: международная научная конференция (Москва, 16–19 ноября 2009 г.) / Сост., науч. ред. Т.В. Марченко. М.: Русский путь, 2011. С. 131–151.

Марченко Т.В. Русская литература в зеркале Нобелевской премии. М.: Азбуковник, 2017. 671 с.

Морозов С.Н. История подготовки Собрания сочинений И.А. Бунина в издательстве «Петрополис» (по материалам переписки) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 248–265.

Письма И.Ф. Наживина к И.А. Бунину (1919–1920) / Публ. В. Кудениса и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.: Русский путь, 2004. С. 317–332.

Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / Под общ. ред. Л.А. Мнухина. Т. 2. Paris; М.: УМСА-Press; Эксмо, 1995. 658 с.

Устами Буниных: дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы. В 2 т. / Под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. Т. 1. М.: Посев, 2004. 304 с.

⁸⁸ «Из потонувшего мира» — так озаглавлены мемуары графини Марии Эдуардовны Клейнмихель (урожд. графини Келлер, 1846–1931), увидевшие свет в Берлине в 1922 г., а уже год спустя переизданные с купюрами в Советской России.

References

Bakutsev A.V. “Zleishii chernosotennik i tupitsa, on okonchatel’no razlozhilsia...”: I.F. Nazhivin ob I.A. Bunine (1930-e gg.) [“The most bitter black-hundredist and bullhead, he’s putrefied completely...”: Ivan Nazhivin on Ivan Bunin (1930s)]. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 1 (11), pp. 254–275. (In Russ.)

Bunin I.A. *Publitsistika 1918–1953 godov* [Publicistic writings of 1918–1953], ed. and intro. O.N. Mikhailov, comment. S.N. Morozov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 2000. 640 p. (In Russ.)

Bunin I.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works], in 9 vols., vol. 9, ed. A.S. Miasnikov, text ed. and comment. O.N. Mikhailov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 622 p. (In Russ.)

I.A. Bunin i I.F. Nazhivin. *Perepiska* [Ivan Bunin and Ivan Nazhivin. Correspondence], publ., comment. V. Kudenis, N.N. Primochkina, R. Davies, intro. V. Kudenis. *S dvukh beregov. Russkaia literatura 20 veka v Rossii i za rubezhom* [From two shores. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002, pp. 277–326. (In Russ.)

Kudenis V. Ivan Nazhivin v Bel’gii [Ivan Nazhivin in Belgium]. *Rossiiskii literaturovedcheskii zhurnal*, 1994, no. 4, pp. 196–199. (In Russ.)

Letopis’ zhizni i tvorchestva I.A. Bunina [Chronicle of Ivan Bunin’s life and work], vol. 2 (1910–1919), comp. S.N. Morozov. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 1184 p. (In Russ.)

Literaturnoe nasledstvo. T. 84: Ivan Bunin. Kn. 1 [Literary heritage. Vol. 84: Ivan Bunin. Issue 1]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 400 p. (In Russ.)

Marchenko T.V. *Russkaia literatura v zerkale Nobelevskoi premii* [Russian literature in the mirror of the Nobel Prize]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 671 p. (In Russ.)

Marchenko T.V. “Venok laureata yemu tochno vporu”: frantsuzskaia pressa o Nobelevskoi premii Bunina [“The Laureate’s wreath fits him perfectly”: the French press on Bunin’s Nobel Prize]. *Ot Bunina do Pasternaka: russkaia literatura v zarubezhnom vospriiatii: k yubileiam prisuzhdeniya Nobelevskoi premii russkim pisateliam: mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia (Moskva, 16–19 noiabria 2009 g.)* [From Bunin to Pasternak: Russian literature in foreign perception: To mark the anniversaries of the Nobel Prize for Russian writers: Int. Sci. Conf. (Moscow, November 16–19, 2009)], comp., ed. T.V. Marchenko. Moscow, Russkii put’ Publ., 2011, pp. 131–151. (In Russ.)

Morozov S.N. *Istoriia podgotovki Sobraniia sochinenii I.A. Bunina v izdatel’stve “Petropolis” (po materialam perepiski)* [Editing of I.A. Bunin’s Collected Works in Petropolis Publishing House (based on the correspondence)]. *Literaturnyi fakt*, 2017, no. 5, pp. 248–265. (In Russ.)

Pis’ma I.F. Nazhivina k I.A. Buninu (1919–1920) [Ivan Nazhivin’s letters to Ivan Bunin (1919–1920)], publ. V. Kudenis and R. Davies. *I.A. Bunin: Novyie materialy* [I.A. Bunin: New materials], issue 1, comp., ed. O. Korostelev and R. Davies. Moscow, Russkii put’ Publ., 2004, pp. 317–332. (In Russ.)

Russkoe zarubezh’e. Khronika nauchnoi, kul’turnoi i obshchestvennoi zhizni. 1920–1940. Frantsiia [Russian Abroad. Chronicle of scientific, cultural and social life. 1920–1940. France], vol. 2, ed. L.A. Mnukhin. Paris, Moscow, YMCA-Press Publ., Eksmo Publ., 1995, 658 p. (In Russ.)

Ustami Buninykh: dnevniki I.A. i V.N. Buninykh i drugie arkhivnye materialy [As spoken by the Bunins: Ivan and Vera Bunins’ diaries and other archival materials], in 2 vols. Vol. 1, ed. M.E. Grin, intro. Yu.V. Mal’tsev. Moscow, Posev Publ., 2004. 304 p. (In Russ.)

Anti-Bunin pamphlet by Ivan Nazhivin

© 2020, Anton Bakuntsev

Abstract: This publication continues the theme “I.F. Nazhivin vs I.A. Bunin” which was brought up earlier in one of the issues of “Literaturnyi fakt”. Ivan Fedorovich Nazhivin (1874–1940), a writer and publicist well-known in the Russian émigré circles, a follower of Leo Tolstoy, knew Bunin personally and corresponded with him for many years. The publication introduces into scientific circulation Nazhivin’s article-pamphlet “The County Moncher” (1934), the autograph of which (an unauthorized typescript) is stored in I.A. Bunin’s collection in the Russian State Archive of Literature and Art. Presumably, it is this text that the author intended to publish in the émigré press. The introductory article gives a brief description of the autograph, and also argues the choice of a more completed version of the text for publication. The basic principles of editing and commenting the material for publication are outlined.

Keywords: Ivan Nazhivin, Ivan Bunin, Nobel Prize, Russian Abroad, pamphlet, “The Life of Arseniev”, “The County Moncher”.

Information about author: Anton Bakuntsev, PhD, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: auctor@list.ru

Citation: Bakuntsev Anton. Anti-Bunin pamphlet by Ivan Nazhivin. *Literaturnyi fakt*, 2020, no. 2 (16), pp. 93–118. DOI 10.22455/2541-8297-2020-16-93-118